

Отражение интеллектуальных способностей человека во фразеологических единицах английского и финского языков

Винокурова Мария Михайловна

Студентка Марийского государственного университета, Йошкар-Ола, Россия

Фразеологическое значение, как и лексическое, представляет собой сложное образование, состоящее из иерархически организованных и упорядоченных семантических компонентов или сем [Копыленко, Попова: 65]. А.Ф. Артемова приходит к выводу о том, что человеческое сознание стремится не только к объективному отражению мира, а значит, фразеологические единицы создаются не только и не столько для описания существующего в реальном мире, сколько для отражения положительного или отрицательного отношения номинатора к объекту [Артемова: 15].

Фразеологические единицы (ФЕ), обозначающие интеллектуальные способности человека, можно разделить на две большие группы: 1) ФЕ, служащие для обозначения степени проявления умственных способностей человека; 2) ФЕ, употребляемые для указания на способность человека мыслить.

К первой группе принадлежат ФЕ, называющие человека по степени его умственных способностей (от максимальной до минимальной). Таким образом, фразеологизмы, входящие в данную группу, формируют синонимическо-антонимические ряды. Первый синонимический ряд образуют ФЕ, включающие доминирующие семы «глупый», «тупой»: *as damp as a fish* — *сырой как рыба* ~ *тупой как рыба*, *tyhmtät kasvaavat ilman kastelua* — *дураки растут без поливки* ~ *дураков не сеют, они сами родятся*. Синонимическому ряду фразеологизмов с общим значением «очень, крайне глупый» семантически противопоставлен фразеологический ряд, объединенный контрастирующими семами «очень умный», «много знающий»: *as sober as a judge* — *здравомыслящий как судья* ~ *здравомыслящий*, *erittäin kirkas* — *очень яркий* ~ *семи пядей во лбу*.

Вторая группа объединяет фразеологизмы, называющие человека по способу, характеру мышления. ФЕ этой группы называют обладателя признака по его способности мыслить рационально: *be a babe-in-the-woods* — *ребенок в лесу* ~ *разбираться как свинья в апельсинах*, *hän on mennyttä miestä* — *он конченный человек* ~ *что в лоб, что по лбу*.

Самым употребляемым компонентом английских фразеологизмов является существительное *fool* «дурак»: *a fool at forty is a fool indeed* — *дурак в сорок лет и действительно дурак* ~ *старого дурака не перемололаживать*. В финской фразеологии лексема «дурак» проявляет меньшую фразеобразовательную активность, но ФЕ, имеющие ее в своем составе, все же, присутствуют: *typerys aina ryntää esille* — *дурак всегда торопится вперед* ~ *дурак всегда лезет вперед*. Также в ряду употребляемых компонентов представлены лексемы *head* «голова», *brain* «мозг», *mind* «разум» и *pää* «голова».

Особенностью фразеологии финского языка является употребление аллитеративных ФЕ вида *on tyhjää täynnä* — *полный пустого* ~ *тупой*, которые построены на контрасте несочетаемых признаков «полный» и «пустой» и лишены номинативности.

В ФЕ английского языка наблюдается употребление сразу двух опорных компонентов, контрастирующих между собой. Это же явление наблюдается и в составе финских ФЕ, обозначающих интеллектуальные способности человека.

Нельзя не отметить, что в английской фразеологии для обозначения интеллектуальных способностей человека рассматриваются также пространственные отношения. В составе финских ФЕ пространственные отношения не выявляются.

Для обозначения качества «глупый» в английском языке используются образы воды: *be totally at sea* — *быть полностью в море* ~ *ни бум-бум*. В финском же языке образы воды используются для обозначения качества «умный»: *vesiselvä* — *чистая вода* ~ *здравомыслящий*. В этом случае мы имеем дело с национальной спецификой финского народа. В финском языке образ воды имеет положительную коннотацию. Однако нередко,

будучи антропоцентрическими, ФЕ, содержащие компонент «вода», дают отрицательную характеристику человеческим действиям и качествам.

Сравнение семантики и образных оснований фразеологизмов английского и финского языков, служащих для обозначения интеллектуальных способностей человека, можно использовать для выявления общего и различного во фразеологических картинах мира изучаемых языков.

Литература

Артемова А.Ф. Английская фразеология. Спецкурс. М., 2009.

Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1982.

«Эрзянско-русский словарик» и «Русско-эрзянский словарь» А. П. Рябова

Данильчев Александр Алексеевич

Студент Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Саранск,
Россия

Анатолий Павлович Рябов (15 апреля 1894, с. Лобаски Ичалковского района Мордовии — 23 мая 1938, г. Саранск) — эрзянский лингвист, педагог, общественный деятель, профессор, автор словарей на эрзянском языке.

А. П. Рябов написал два словаря: «Эрзянско-русский словарик» и «Русско-эрзянский словарь». Первый «Эрзянско-русский словарик» выпущен в 1930 году в издательстве Центриздат. Словарик начинается со вступительного слова, которое называется «Два-три слова от автора словаря». Словарь содержит 2531 слово. Тираж — 5000 экземпляров.

Второй «Русско-эрзянский словарь» вышел в 1931 году. В этом словаре более 8000 слов. Реестровым (первым) словом стоит русское слово. По объёму словарь небольшой. В него не вошли заимствованные (международные) термины. Сюда включены географические термины. Это слова, которые были нужны для создания глобуса на эрзянском языке, русское слово переведено эрзянскими словами, которые часто употреблялись в сёлах Ардатовского уезда. Автор обратился к эрзянам, чтобы они посмотрели словарь, сделали полезные замечания и исправления: «Только совместными усилиями. Коллективным умением, коллективным желанием, коллективными усилиями сформируется Эрзянский литературный язык» [Рябов 1931: 2].

В обоих словарях даются наиболее часто употребляемые слова: названия предметов домашнего обихода, ботанические термины, названия животных, названия конечностей и органов, болезней, родственные слова; включены глаголы, наречия, числительные, местоимения. К примеру, имеются названия трав, деревьев, кустарников: берёза — *килей*, березняк — *килей пуло*, клён — *укишторо*; названия животных: корова — *скал*, коза — *сея*, козёл — *атяка сея*, козлёнок — *сея левкс*; названия конечностей и органов: рука — *кедь*, печень — *максо*, лицо — *чама*, лоб — *кона*. В словаре есть имена собственные: Русь — *Расей*, Россия — *Расей*, Тимофей — *Тюма*, Настасья — *Наста*.

В словаре большое место отводится географическим терминам. Сюда включены элементы горизонта. Только не все из них употребляются в эрзянском языке. Например: север — *пелеве ёнкс*, северной — *пелеве ёнксонь*, северо-восток — *чи лисима марто пелеве ёнкс ютко*. Большое количество русских слов переводятся на эрзянский язык двумя, тремя словами: единоутробный — *ве авань эйкакиш*, остроглазый — *пшти сельме*, рыжебородый — *тюжа сакало* и др. Глаголы совершенного и несовершенного вида на эрзянский язык переводятся однократной и многократной формой, и объединяются фигурными скобками:

отбавлять } *сайнемс, саемс*; отделиться - *явомс*;
отбавить } *отделяться* }

Отдельно следует сказать о словах с отрицательной частицей *a*, которые включены в «Русско-эрзянский словарь». Все русские слова с отрицательной частицей *не* в эрзянском языке переведены с помощью частицы *a*, которая пишется слитно:

неудержимый – *акирдевикс*, неуловимый – *акундавикс*, неуплата – *апандума*, неурожай – *ачачома*, нечистота – *аванькс-чи* и др. Во многих случаях значение русского слова раскрывается синонимичными словами: повсюду – *эрья косо*, *эрья таркасо*, пила – *деряба*, *пила*, поросёнок – *туво левкс*, *тулявкс*, *пуцуз*. В словаре (1930) синонимы встречаются в скобках или есть ссылка: *цянав (цяняка)* – ласточка; *чавкань-пуло* – клевер. Все части речи расположены по алфавиту: существительные, глаголы, числительные, прилагательные, местоимения, наречия, союзы, междометия [Рябов 1930: 23].

В двух словарях хорошо прослеживается фонетический принцип: сызнава – *оц*, переделка – *оц тейма*, *отс сустамо*, переставлять – *одов (отс) стявтнемс*, пересчитывать – *одов (отс) ловомс*, перечитывать – *одов (отс) ловномс*, полка – *лавця*, вихрь – *даул*, вопрос – *кевснema*, спрашивать, спросить – *кевкснемс*; рука – *кедь*, правая рука – *видь кедь*.

Числительные со словом *сто* писались отдельно, сохраняя при этом фонетический принцип: четырёхста – *ниле сят*, пятьсот – *вете сят*, семьсот – *сисем сят*, триста – *колмо сят*.

В словари автор ввёл разделительный знак: *кедь 'ал* – голыш (яйцо без скорлупы), *куд 'икелькс* – сени, *овт 'умарькс* – шиповник, *овт 'умарь* – ягода шиповника, *штер 'алкс* – пряслень. В то время норм правописания не существовало, потому мягкий знак во многих местах употреблялся неверно: *кедьтeмe* – безрукий, *кеверьдямс* – валять, *нурьтямс* – налить, *нурьсемс* – качать. На многих страницах вместо буквы *о* употребляется буква *у*: *старуста*, *сёвнума*, *чивалгума*, *максума*, *раужо* и др. Орфографические правила были разрозненны, потому компоненты *-чи*, *-пель* писались через дефис: пища – *ярсамo-пель*, питьё – *симимка-пель*, нечистота – *аванькс-чи*. Как известно, перед звонким звуком *г* глухой согласный озвончается, а в словаре он глухой: *котгемeнь* – шестьдесят, *котгемeнь вейке* – шестьдесят один, *куртамс* – палить, спалить (волосы, шерсть), *коськилда* – лишай, *локсий* – лебедь.

Послелогии пишутся после слов через дефис: *кустима-ланго* – крылец, *полок-ланго* – палати. Также через дефис пишутся и составные слова: *лавсь-кудо* – ясли, *катка-лапа* – просвирка (растение), *кедь-кунишка* -ладонь, *кевердема-пря* – валик в ткацком станке, *кудо-пря* – чердак, *кудо-конякиш* – конёк, *лём-сий* – клещ, *лекси-пандо* – вулкан, *норов-жорш* – жаворонок, *сельме-чирьке* – глазная дуга, *сельме-пона* – ресница, *сельме-ава* – зрачок, *сукс-кудо* – улитка, *чей-умарь* – клюква, *умарь-чувто* - яблоня [Бузакова 2002: 105-108].

Данные словари являются первыми эрзянскими словарями, в которых слова расположены по алфавиту. Русскоязычные слова, на наш взгляд, правильно переведены на эрзянский язык, и наоборот, эрзянские слова – на русский язык. Это помогло сохранить большинство слов, тем самым не дав им исчезнуть.

Литература

Бузакова Р. Н. Лексикография со А. П. Рябовонь важдевксэнзэ // Рябовы: pro et contra. 2002. С. 105-108

Рябов А. П. Эрзянь-рузонь валкске. М., 1930

Рябов А. П. Рuzонь-эрзянь валкс. М., 1931.

Групповые антропонимы и система прозвищ в мокшанских говорах Республики Мордовия.

Жаткина Марина Серафимовна

Студентка Мордовского государственного университета им. Н.П.Огарёва, Саранск,
Россия

Номинация играет большую роль в познании человеком окружающего мира. Она дает возможность дальнейшего взаимодействия с тем, кто существует и живет рядом с человеком.

Прозвища – это искусственно созданные имена собственные, также являющиеся результатом целенаправленного словотворческого акта, за которым стоит реальный субъект номинации. При этом специфика прозвища, как и всякого человека, состоит в том, что оно, в отличие от прочих слов языка, служит не своим значением, а своим звучанием [Суперанская 2006: 72], выполняет не семасиологическую, осмысливающую, а дейктическую, указательную функцию [Выготский 1956: 194].

Без прозвищ невозможно представить мордовскую сельскую жизнь. Они ёмко и очень эмоционально информируют об именуемом ими лице, вызывают различные ассоциации.

Официальная структура именованного человека состоит из трех компонентов: фамилия, имя и отчество. Наряду с индивидуальными именами (официальными и неофициальными) для называния лиц используются групповые антропонимы. В сфере неофициальных групповых наименований, бытующих в мокшанских говорах, можно выделить три типа онимов:

- 1) коллективно-территориальные прозвища;
- 2) семейные прозвища;
- 3) уличные фамилии.

В данной статье система прозвищ рассмотрена на материале говора села Мордовское Коломасово Ковылкинского района Республики Мордовия.

Прозвищная лексика изначально служит средством индивидуальной характеристики человека, давая исчерпывающее описание именуемого не только с точки зрения родовой принадлежности, но и по его личным качествам. Эта тенденция прослеживается не только в индивидуальных, но и групповых прозвищах.

Наряду с официальными названиями существуют и неофициальные наименования. Подобные наименования – коллективно-территориальные прозвища – отмечены во многих мокшанских говорах Республики Мордовия. Например: жители с. Малышева – *Тяльме лангса лиендихть* (букв.: летающие на метлах); жители с. Адашево – *Кальцянь стайхть* (букв.: те, кто шьет рукавицы). В структуре значения этих антропонимов на первый план выступает экспрессивный компонент, они в большей степени выражают отношение говорящего к именуемому.

В мокшанских говорах отмечены семейные прозвища, передающиеся, как и фамилии, по наследству. Например: *Парайхне, Парёкне, Ивокне*. Семейные прозвища выделяют именуемые лица в пределах жителей населенного пункта, указывают на происхождение, родство. Чаще всего семейные прозвища употребляются в сочетании с именем собственным, тем самым дифференцируя родственников: *Парай Миша, Парай Люба; Парёк Валя, Парёк Зина*.

К семейным прозвищам близки уличные фамилии, являющиеся групповыми названиями лиц, связанных родственными отношениями. В русских деревнях этот вид антропонимов имеет достаточно широкое бытование, в мокшанских же говорах это явление не слишком развито. Например: официальная фамилия семьи – Исаевы, уличная – *Латины*; официальная фамилия – Рогачёвы, уличная – *Шургины*. Таким образом разграничиваются семьи однофамильцев, не находящихся в родственных отношениях. Но мотивация этих номинаций уже не прослеживается.

Исходным моментом номинации является мотивировка. Мотивирующим признаком может являться:

- 1) характеристика лица: физическая; психическая; биологическая; интеллектуальная;
- 2) принадлежность лица: социальная; национальная; территориальная; родственные связи.

Прозвища, зафиксированные в говоре села Мордовское Коломасово, возникли:
– на основе внешних признаков и черт характера человека: *Слабай Машиа* (рус. Слабая Маша), *Немойнясь* (рус. Немая), *Хитрайсь* (рус. Хитрый), *Кувакась* (рус. Длинный – за высокий рост);

- от имени собственного с помощью различных суффиксов: Владимир – *Вовайе*, *Вовыч*; Николай – *Николь*, *Миколь*, *Калёй*, *Калям*;
- на основе сходства, ассоциации с известными людьми: *Брежнев* – очень густые брови;
- от названий животных: *Куй Маша* (рус. Змея Маша), *Шакал*, *Киска*;
- от названия профессии, национальности и место рождения человека: *Педагог* (долгое время работал учителем в школе), *Пожарник* (когда-то работал пожарным), *Рус Рая* (Русская Рая – русская среди мокшанского населения), *Сомай* (он родом из села Сомаевка);
- по официальной фамилии: *Казак* – фамилия Казаков.

Определённая эмоциональная окраска имеется у многих рассмотренных единиц, хотя некоторые из прозвищ особенно ироничны. Это даёт возможность представить не только объекта, но и субъекта номинации.

Литература

- Воронцова Ю.Б. Коллективные прозвища в русских говорах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2002.
- Выготский Л.С. Мышление и речь // Избранные психологические исследования. М., 1956.
- Суперанская А.В. Словарь русских личных имён. М., 2006.

Словообразовательная архитектура эрзянского языка

Князькина Елена Николаевна

Студентка Мордовского государственного педагогического института

им. М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия

Обогащение словаря – это один из важнейших факторов развития языка, свидетельство его динамического характера. Словарный состав любого языка находится в состоянии непрерывного изменения, обновления, так как лексика, непосредственно обращенная к явлениям реальной действительности, отражает все изменения, происходящие в общественной жизни. Потребности жизни общества, интенсивный процесс роста производства, развитие человеческого мышления обуславливают постоянное появление новых наименований. Как следствие, язык беспрестанно пополняется новыми словами, выражающими актуальные понятия.

Процесс обогащения словарного состава осуществляется преимущественно двумя путями: путем словообразования на основе собственных лексических и морфологических ресурсов и заимствования слов из других языков. Для эрзянского языка более важным, на наш взгляд, является первый путь – путь словообразования, который непосредственно связан с лексикой и грамматической системой рассматриваемых языков: общеизвестные слова и словообразовательные элементы, известные в отдельности носителям языка и раньше, комбинируются в соответствии с правилами их соединения в словесные единства.

Словообразование имеет свои единицы, из которых она складывается (производящие слова, деривационные элементы – аффиксы, несущие словообразовательное значение), и свой тип отношений, который устанавливается внутри данной системы.

Основными способами образования новых слов в эрзянском языке являются *безаффиксное* словопроизводство, *аффиксальное* (суффиксальное) словопроизводство, *полуаффиксальное* словопроизводство и *словосложение*.

Безаффиксное словообразование подразумевает производство новых слов путем лексико-грамматического переосмысления имеющихся в языке лексических единиц без материальных изменений. Основными его способами являются *субстантивация* (*ваныця* «зритель», *ловныця* «читатель», *морыця* «певец», *манчыця* «лгун»), *адъективация* (*эрявикс* «нужный, необходимый», *содавикс* «знакомый, известный»), *адвербиализация* (*верев*

«вверх», *сестэ* «тогда») и *вербализация* (*начкомс* «намокнуть», *сельгемс* «плюнуть», *таштамс* «накопить») частей речи.

В результате перехода одной части речи в другую важными являются два момента: лексический, который связан с изменением значения слова соответственно значению вновь образуемой части речи, и грамматический, который включает изменение грамматических категорий и форм, а также приобретение синтаксических функций, свойственных данной части речи.

Аффиксальное производство новых слов включает в себя *суффиксацию* и *префиксацию*.

При суффиксации каждое новое слово создается в формальном плане по аналогии с имеющимися производными. Суффиксы используются в образовании всех основных частей речи: а) имен существительных (*ленге* «липа» - *ленгекс* «липа (молодая)», *чарамс* «вертеть» - *чарамка* «вертушка»); б) имен прилагательных (*пешкедемс* «наполниться» - *пешксе* «полный»); в) глаголов (*валдо* «светлый, свет» - *валдомомс* «посветлеть», *лем* «имя» - *лемдемс* «именовать, назвать»); г) наречий (*келей* «широкий» - *келейстэ* «широко», *сэтей* «горький» - *сэтейстэ* «горько»).

В эрзянском языке наблюдается небольшое количество слов, образованных с помощью префиксации. Вопрос о наличии/отсутствии префиксации в мордовских языках в настоящее время остаётся спорным. Выделяются лишь несколько префиксов: *-а* (*аламо* «немного», *асатыкс* «недостаток»), *-кой* (*кой-косо* «кое-где»), *-та* (*та-кие* «некто, кое-кто»), *-таго* (*таго-зырдо*).

Полуаффиксальное производство в эрзянском языке стали выделять сравнительно недавно. При определении аффиксальных средств словообразования языковеды исходят из того, что аффиксы лишены какого-либо лексического значения и представляют собой грамматические элементы языка. Однако в эрзянском языке функционируют словообразующие элементы, сохраняющие в какой-то мере своё лексическое значение, но, подобно суффиксам, образующие ряды слов с однородным деривационным значением. Подобные словообразующие элементы принято считать полуаффиксами или аффиксоидами.

К основным признакам аффиксоидов можно отнести: 1) соотнесённость лексического значения с корневой морфемой, к которой генетически восходит аффиксоид; 2) регулярность, способность образовывать функциональную группу слов [Цыганкин 2000: 178].

Полуаффиксация в словообразовательной системе эрзянского языка занимает особое, промежуточное место, формируя словообразовательные ряды, характеризующиеся признаками, которые сближают эти ряды то с чистыми сложениями, то с аффиксальными производными.

Словосложение является наиболее древним и в то же время наиболее продуктивным способом словообразования в эрзянском языке (*чапакспарь* «квашня» (*чапакс* «тесто» и *парь* «кадушка»), *ламбамосал* «квасцы» (*ламбамо* «сладкий» и *сал* «соль»), *судоваря* «ноздря» (*судо* «нос» и *варя* «дыра»), *товзюро* «пшеница» (*тов* «мука, ядро (ореха и т.п.)» и *сюро* «зерно»).

Независимо от того, что компоненты сложных слов изменяют в большей или меньшей степени свое значение по сравнению со значениями слов, из которых они состоят и с которыми соотносятся, все соединение обозначает обособленный предмет или явление; его семантическая мотивированность выступает более четко, чем у производных слов. Каждая из частей слова соотнесена с самостоятельной лексической единицей, в семантической мотивированности соединения между компонентами участвуют определенные отношения.

Таким образом, для эрзянского языка характерны безаффиксное, аффиксальное, полуаффиксальное словопроизводство и композитообразование, причём образование сложных слов является более продуктивным, чем другие способы словообразования.

Литература

Цыганкин Д.В. Мордовские языки – глазами ученого-лингвиста. Саранск, 2000.

**Эстетическая функция коммуникативно-факультативных определений
в современном эрзянском языке**

Кудашкина Марина Николаевна

Сотрудник Мордовского государственного педагогического института, Саранск, Россия

Как известно, определение – это подчиненный член предложения, который характеризует предметы, лица, понятия со стороны их качеств, свойств, признаков, времени, местонахождения, количества, принадлежности.

По степени коммуникативной значимости определения подразделяются на две группы: 1) структурно- или коммуникативно-необходимые, обязательные, обеспечивающие сущность высказывания; 2) свободные, факультативные, без которых возможно сохранение сути информации.

Определения считаются коммуникативно-факультативными, если:

1. Признак, заключенный в определении, повторяет признак предполагаемый, а иногда и единственно возможный в определяемом имени существительном: *Шожда пухось модас валги, / Шожда пухось тапи мелем* [Сятко 2005, 1-2: 4] «Лёгкий пух спускается на землю, / Лёгкий пух ломает мои желания; *Вейкесь уш ульнесь сыре баба* [Сятко 2005, 1-2: 4] «Одна из них была уже старая бабка»;

2. Определение усиливает свойство, названное определяемым именем существительным: *Чокишень сундерьксэсь аламонь-аламонь тустомсь* [Куторкин 1969: 70] «Вечерние сумерки понемногу густели»; ... *сюкоронь кондямо чова кев ланга чудиця чудикерьксэсь* [Куторкин 1969: 70] «... похожий на пирожок по тонким камешкам текущий ручей»; *Пси толбандякс гувност седеенек* [Абрамов 1980: 89] «Горячим огнём пылали [наши] сердца»;

3. Определение называет признак, уже названный или подсказанный данным контекстом: *Ульцянь пулев кияванть а умок ютась автомашина* [Куторкин 1969: 37] «По пыльной дороге улицы недавно проехала автомашина»; *Нармушкинекс ливтявлинь менелев / Ды валдо чипаекс велявтовлинь* [Чилисема 2006, 2: 2] «Птичкой полетела бы в небо / И ясным солнцем обернулась»; *Чись мизолды, сэнь менелесь* [Абрамов 1980: 5] «Солнце улыбается, синее небо»;

4. Определение называет признак, который назван другим, однородным с ним определением: *Чувтонь чова тарадтнэ ды палмантнень прява уськтне ... теевсть эчкекс* [Чилисема 2006, 2: 9] «Тонкие ветки деревьев и провода на верхушках столбов сделались толще ...»; *Весе ошось вельтязель сияждыця, цитниця лекшесэ* «Весь город был покрыт сверкающим, блестящим инеем» [Чилисема 2006, 11: 23];

5. Определение уточняет, детализирует высказывание, являясь часто оценивающим «дополнителем»: ... *неть ладной ялгатне Парамон, Охонь ды вельть ды вельть аламо кортница Федот* [Абрамов 1980: 300]; *Касыця кружоксонть мольсь аволь ансяк тонавтнема, но заводонь эрямодонт кортнемаяк, ушодовсь кеме дисциплинаяк* [Сятко 2005, 1-2: 127].

Коммуникативно-факультативные определения часто используются в художественных произведениях, чаще всего, с целью усиления признака, передаваемого определяемым именем существительным. Стремление не просто рассказать, но вызвать у читателя зрительные, осязательные и иные ощущения, передать портрет, манеру, характер, воздействовать не только информацией, не просто умозрительно, но эмоционально, образными представлениями приводит к использованию коммуникативно-

факультативных определений в самых различных контекстах. И это объяснимо, так как язык является не только средством выражения мысли, но и средством построения, создания образа. Как известно, это свойство языка в художественной литературе называется эстетической функцией.

В художественном тексте коммуникативно-факультативные определения в наибольшей степени используются:

• **в детальных описаниях природы, окружающей среды:** *Чокиненъ сундерьксэсь аламонь-аламонь тустомсь* [Куторкин 1969: 37] «Вечерние сумерки понемногу густели»; *Валдо чись нусмакалесь* [Куторкин 1969: 8] «Ясный день грустил»; Тосо ламо *калов эрькетъ* [Куторкин 1969: 25] «Там много рыбных озёр»; Сась тензэ лезэдеме *валскень ашолгадомаськак* [Куторкин 1969: 123] «Пришло ему помогать даже раннее утро»; Ацавсь те тарканть эзга, теке пиже *чевте ковер*, масторонть ежова понавиця ды кадовиця тикшине [Куторкин 1969: 187] «Покрылся по этому месту, словно зеленый мягкий ковер, по земле переплетающийся и остающийся луг»;

• **в передаче звуковых ассоциаций:** Ушосо *зэрница* пургинеськак марявсь Калериянень, буто сонзэ марто жо сюдось [Куторкин 1969: 36] «И гремящий на улице гром слышался Калерии так, будто вместе с ней проклинал»; Пельтне, неявсь, вешнеть, козонь мадемс оймсеме, – сынь ацнеть атаванть ланга *чопода сулеест* [Куторкин 1969: 175] «Облака, видно, искали, где прилечь отдохнуть, - они расстилали по отаве свои темные тени»; Бухум сурсонзо лепштизе *якстердиця жарнэнтъ* эсензэ трубкасо табактнень лангс [Куторкин 1969: 73] «Бухум пальцем прижал в трубке краснеющий жар табака»;

• **в детальных описаниях внешности:** Уля кекшинзе шалентъ экшс *якстердиця турвинензэ* [Куторкин 1969: 27] «Уля спрятала за платок краснеющие губки»; ... кавто лисьмапрясто прок, новольсть *польдердиця сельведензэ* [Куторкин 1969: 70] «... из двух источников будто, повисли льющиеся слёзы»; Лангсо сельмензэ пштить, мерят, *валдо кининь урот* [Куторкин 1969: 19] «Глаза острые, словно светлые железные шила»;

Литература

Абрамов К.Г. Велень тейтерь : роман. Саранск, 1980.

Куторкин А.Д. Лажныця Сура. Кн. 1. Саранск, 1969.

Сятко: литературно-художественный и общественно-политический журнал. 2005. № 1- 2.

Чилисема : эрзянь эйкакшонь ды од ломанень журнал. 2006. № 2.

Развитие прафинноугорского кластера **-lm-* в пермских языках

Никулин Андрей Владимирович

Студент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

До настоящего времени не была достаточно изучена рефлексация ПФУ кластера **-lm-* в пермских языках. Обычной практикой стало отмечать имеющиеся рефлексии без какой-либо попытки обнаружить дополнительное распределение между ними, как мы это видим в [Лыткин, Гуляев: 21]. Мы сделали попытку установить такое распределение, в результате которой удалось объяснить рефлексии ПФУ **-lm-* в пермских языках во всех случаях.

Его развитие в пермских языках связано с типом ПФУ основы: в ПФУ *a*-основах на **-lm-* давало ПП **-nm-*, в *e*-основах — ПП **-jm-*, а в *ä*-основах — ПП **-ñm-* (на возможность влияния типа ПФУ основы на рефлексацию согласных в пермских языках указал И.Б. Иткин). Затем ПП **-jm-* регулярно давало *-ñm-* в удмуртском и *-(ji)m-* во всех диалектах коми (рефлексии дополнительно распределены: *-jim-* после *-e-*, *-m-* после *-u-* и *-ə-*). ПП **-ñm-* давало нестабильные рефлексии (и в удмуртском, и в коми либо *-nm-*, либо *-ñm-*).

Вероятнее всего, такое распределение рефлексивов указывает на то, что гласные переднего ряда в ПФУ могли вызывать палатализацию предшествующих согласных. В

таким случае можно предполагать, что на каком-то этапе развития ПП языка в нём различались фонемы *l, *l и *l' (> *j).

Следует заметить, что ПФУ кластер *-δm- всегда давал в ПП *-nm-, а *-jm- — *-m- (кроме одного случая развития *-jm- > *-l'm- > *-jm-, который следует признать нерегулярным). В современных пермских языках конечные кластеры могли упрощаться за счёт выравниваний по аналогии.

Примеры на ПП *-jm-:

- (1) ПФУ *kolme '3' > ПП *kujm > коми kujim, удм. kwiñm-;
- (2) ПФУ *pelme 'пепел' > ПП *pEjm > коми pajim, удм. peñm-;
- (3) ПФУ *äjmä 'игла' > ПП *ejm > коми jet, удм. veñ;
- (4) ПФУ *pilme-tä 'тёмный' > ПП *pejmyt > кз. pemyd, кп. pemyt, удм. peñmyt, pel'myt.

Семантика всех примеров безупречна. С примером (3) связаны некоторые фонетические трудности, а именно: 1) нерегулярный переход ПФУ *-jm- в доперм. *-l'm-; 2) появление в удм. протетического v-; 3) упрощение конечного кластера в удмуртском. Тем не менее, пример кажется надёжным.

Пример (4), напротив, следует считать сомнительным, поскольку ни один язык, кроме удмуртского, не отражает рефлексов ПФУ *-l- (ср. фин. piteä); можно реконструировать ПФУ *rimi-tä, а появление лишнего согласного в инлауте в удмуртском объяснять влиянием паронимичного peñm- [И.Б. Иткин, устное сообщение].

Примеры на ПП *-nm- < ПФУ *-lm-:

- (5) ПФУ *ilma 'бог, небо, погода' > ПП *ēnm > коми jenm-, удм. inm-;
- (6) ПФУ *julma 'крепкий' > ПП *jōnm > коми jon, удм. junm-;
- (7) ПФУ *šolma 'долина' > ПП *šōnm > кз. šon, удм. šum.

Примеры на ПП *-ñm-:

- (8) ПФУ *šilmä 'глаз' > ПП *šīnm > коми šinm-, удм. šinm-, диал. šīnm-;
- (9) ПФУ *kelmä 'кожица' > ПП *keñm > коми keñ;
- (10) ПФУ *külmä 'холодный' > ПП *kuñm > коми, удм. kym-.

В примере (10) для ПП можно восстанавливать и *-nm-.

Литература

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Статус долготы в вокализме чумьлькупского говора селькупского языка.

Шешенин Семен Евгеньевич

Студент-магистрант Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова.
Москва, Россия.

Вопрос о роли количественного признака в системе гласных звуков чумьлькупского говора на данный момент является нерешённым. Ряд исследователей отмечает наличие значительных долготных вариаций в вокализме чумьлькупского, не подвергая, впрочем, это явление систематическому анализу [Быконя: 1994].

Так, в своей диссертации «Звуковой строй среднеобского (ласкинского) говора селькупского языка» Ю.А. Морев утверждает, что «Обнаружить какую-либо закономерность в проявлении долготы очень трудно, ибо в произнесении одного и того же информанта, в одинаковых фонетических условиях, одно и то же слово может звучать как с долгим, так и с кратким гласным». [Морев: 10]

Данная работа Ю.А. Моревой является по существу единственным примером углублённого изучения фонетики говора. Учитывая, что чумьлькупы на данный момент являются практически вымершей народностью, описание особенностей их говора представляется нам весьма актуальной задачей. Данное исследование проводилось на материалах акустических записей, сделанных Л.Н. Федотовой в ходе одной из последних экспедиций в места проживания оставшихся носителей говора.

Сопоставительный анализ словоформ, вошедших в материал исследования, показал, что смыслоразличительной функции количественный признак гласных в говоре не имеет. Одновременно была выявлена зависимость между долготой звука и его позиционными условиями: положением по отношению к ударению и к паузе, консонантным контекстом:

1. Наибольшая длительность гласного характерна для позиции под ударением и позиции инлаута. Гласные под ударением регулярно проявляют себя как более долгие по отношению к гласным в безударных слогах.
2. Долгота гласных в ударной и безударной позициях может быть сопоставима или даже практически равна в том случае, если безударный гласный находится в позиции между сонорных согласных.
3. Сокращение длительности реализуется в позиции между глухими смычными согласными, наиболее ярко проявляя себя в заударных слогах, где длительность гласных может составлять порой до 30% от длительности гласного под ударением.

Среднеарифметическое отношение длительности гласных в безударных позициях к длительности гласного под ударением таково:

- 1) гласный в заударном слоге типа СГС (согласно подсчётам Ю.А. Морева он является наиболее частотным в языке – более 40% слогов построены по этой модели) ~ 0,45;
- 2) в безударной позиции в абсолютном начале слова ~ 0,9;
- 3) в предударном слоге между сонорными согласными ~ 0,6.

Близость долготных значений гласных в ударной позиции и позиции инлаута объясняется, по-видимому, тем, что закон сохранения качества гласного в абсолютном начале слова в чумьлькупском является более строгим, чем в некоторых других языках.

Позиционный характер различения гласных по длительности согласно нашим наблюдениям в равной степени относится ко всем гласным звукам чумьлькупского вокализма за исключением [э] (шва). В тех фонетических условиях, которые для других гласных задают значительное увеличение длительности, он регулярно проявляет себя как относительно краткий. Тяготая к безударным позициям, «шва» имеет длительность, колеблющуюся в диапазоне от 50 до 70 мс. Подсчёт показал, что в сопоставлении с другими гласным в аналогичном звуковом окружении звукотип [э] обычно реализуется на отрезке, который составил бы не более 80% средней длительности звучания [□]. В сопоставлении с длительностью других гласных этот показатель ещё меньше, так как [□] по результатам замеров находится на втором месте по краткости после [э].

Характерно, что среднестатистическая долгота [□] составляет ~ 70% от звучания [o]; однако причислить [□] к кратким фонемам мешает его значительно большая, чем у [э], способность к сокращению в безударной позиции. В сильной (ударной) позиции длительность [□] может превышать 200 мс., выравниваясь по этому показателю с другими, более долгими гласными. В инлауте «шва» встречается достаточно редко и, в связи с действующим в абсолютном начале слова законом сохранения качества гласного, реализуется в нём без заметных отклонений от среднестатистических показателей.

В вокализме говора нами не было выявлено рядов звуков, попарно различающихся только количеством. Относительная краткость входит в число артикуляционных признаков [□]. В то время как в целом системе гласных говора свойственно позиционное наращивание или сокращение долготы, [□] значительно менее подвержен позиционному изменению долготы и в среднем проявляет себя как более краткий во всех описанных случаях. Таким образом, можно заключить, что идея о фонологическом статусе долготы чумьлькупских гласных, имплицитно постулируемая в работах В.В. Быкони, не нашла практического подтверждения в ходе нашего исследования.

Литература

- В. В. Быконя, А. А. Ким, Ш. Ц. Купер.* Словарь селькупско-русский и русско-селькупский.
Томск, 1994.
- Морев Ю.А.* Звуковой строй среднеобского (ласкинского) говора селькупского языка.
Томск, 1973

Категоризация фактуры поверхности в уральских языках (на материале эрзянских и удмуртских прилагательных со значением отсутствия неровностей)

Кашкин Егор Владимирович

Аспирант Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Работа выполнена в рамках направления «лексическая типология», изучающего закономерности устройства семантических полей в языках мира и ограничения на их структуру ([Рахилина, Плунгян]). Исследование посвящено прилагательным, описывающим фактуру поверхностей (ср. рус. *ровный, гладкий, шершавый, бугристый* и т.д.), в уральских языках. В докладе речь пойдет о прилагательных со значением отсутствия неровностей на поверхности объекта (ср. рус. *ровный, гладкий, плоский, скользкий*) на материале двух языков – эрзянского и удмуртского. Рассматриваются прямые и переносные употребления, обсуждается механизм образования последних. Источниками данных послужили сведения, полученные от информантов, а также тексты и двуязычные словари.

Сформулируем далее основные выводы (подтверждающие их развернутые языковые примеры будут приведены в докладе).

В обоих языках четко отделяется группа прилагательных со значением ‘скользкий’. Основное противопоставление между ними касается того, описывает ли прилагательное поверхность, на которой трудно удержаться (например, скользкую дорогу), или поверхность предмета, который трудно удержать в руках (например, скользкий мяч). Эрзянский язык располагает прилагательным, свободно описывающим оба типа ситуаций – *нолажа*, тогда как в удмуртском основное прилагательное этой группы – *гылыт* – прототипически характеризует только первый тип контекстов, а применительно к выскальзывающему предмету оно менее предпочтительно по сравнению с глаголами соответствующей семантики. Прилагательные со значением ‘скользкий’ могут накладывать ограничения и на тип вещества, покрывающего поверхность. Так, в удмуртском языке есть прилагательное *валег/волег* (некоторыми носителями принимаемое за часть существительного *йöвалег* ‘гололедица’, где *йö* – ‘лёд’, но некоторым всё же знакомое как отдельное прилагательное – и также зафиксированное в словарях), применимое только к покрытой льдом поверхности (но не, например, к вымытым ступенькам или полу). Наконец, в обоих языках отмечены прилагательные этой группы, характеризующие только те поверхности, которые покрыты слизью или иным подобным веществом (примеры таких объектов – ослизлая рыба, долго пролежавшее в воде мыло, стенки бочки, где застоялась вода): в эрзянском это лексема *наволо* (диалектный вариант – *наула*), в удмуртском – *тяпылес* (с вариантами *тёпылес* и *чаплес*).

Для группы прилагательных со значениями ‘гладкий’, ‘ровный’ и ‘плоский’ в удмуртском языке основным различительным параметром является способ, которым воспринимается отсутствие неровностей (зрительный vs. тактильный). Так, прилагательное *çошкыт* ‘ровный, плоский’ характеризует объекты (например, ровное поле или плоскую крышу), поверхность которых прототипически оценивается визуально как не имеющая заметных неровностей, а многие его переносные употребления передают идею равномерности (например, оно применимо к ровно стелющемуся дыму). В свою очередь прилагательное *вольыт* ‘ровный, гладкий’ применимо прототипически к тактильно воспринимаемым объектам (например, к человеческой коже, обструганной доске, поверхности стола). Возможно описать словом *вольыт* и участки земной поверхности (например, землю во дворе), но в этом случае оно, в отличие от *çошкыт*, акцентирует отсутствие даже мельчайших неровностей. Будучи же употребленным метафорически, прилагательное *вольыт* означает не равномерность, как *çошкыт*, а

полное отсутствие препятствий (характеризуя, например, уверенную, не содержащую запинок речь или успешное, «гладкое» протекание действия). Что касается эрзянского языка, то в нем существует общее прилагательное для фреймов тактильного и визуального восприятия – *валаня* ‘ровный, гладкий’ (способное описать как ровные дорогу, поле или грядку, так и отшлифованную доску или руки с гладкой кожей). При этом эрзянский язык выделяет отдельный параметр, нерелевантный для удмуртского – одушевленность объекта, характеризующегося прилагательным. Эрзянское прилагательное *вадяжа* ‘гладкий’ (сейчас малоупотребительное, но всё же знакомое некоторым носителям) применяется к человеку (или к частям его тела, деталям одежды и т.п.), если он гладко выбрит, одет в выглаженную одежду, опрятен (в фольклорном тексте зафиксировано и использование лексемы *вадяжа* для описания гладкого хвоста сороки). Неодушевленных же объектов, не имеющих отношения к описанным выше контекстам, прилагательное *вадяжа* не характеризует. Наконец, в эрзянском языке существует и еще одно прилагательное, обозначающее отсутствие неровностей на участке земной поверхности – *ланужа* ‘плоский’ (описывающее в эрзянских текстах в частности берег реки или пойму). Этим же словом можно описать и плоскую крышу. Однако семантически *ланужа* существенно отличается от разобранных выше удмуртского *чюшкыт* (хотя в словарных переводах обоих этих слов и фигурирует ‘плоский’). *Ланужа* (в отличие от *чюшкыт*) активно сочетается с названиями приплюснутых, сжатых объектов (например, таких, как приплюснутое горлышко чайника, примятые посева пшеницы, лицо больного человека с впалыми глазами и щеками, покосившийся ветхий дом) и, таким образом, его семантической доминантой оказывается не равномерность структуры поверхности, а уподобление предмета некоему эталону, плоскости, идея исчезновения неровностей на его поверхности (ср. похожий анализ русского *плоский* в [Спиридонова]).

Литература

Рахилина Е. В., Плунгян В. А. О лексико-семантической типологии // Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007. С. 9-26.

Спиридонова Н. Ф. Плоский, прямой и ровный, или как трудно описать форму предмета // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2004. С. 235-241.